

ЧАСТЬ 1. УНИЖЕННЫЕ И ОТОМСТИВШИЕ

ГЛАВА 1. ТАКИЕ РАЗНЫЕ МИРЫ

Начнем эту историю как сказку. Со слов «жила-была». Впрочем, предвосхищая события, можем сказать, что сказкой она и кончится. Итак, в одной очень богатой семье жила-была и стремительно подрастала красивая девочка. Источником больших денег главы семьи было своевременное, как и у многих других, внедрение в нефтяной бизнес. Источник в нашей истории роли не играет, тем

более что он слишком уж банален. Могло быть и что-то другое, но необходимо все же объяснить, откуда деньги, на которые он мог позволить себе то, о чем вы узнаете несколько позднее. А главное в этой истории — любовь с ее немислимыми маршрутами и фокусами.

Единственная и любимая дочь, как водится, капризна и избалованна. С самого детства она получает все что пожелает. Таких игрушек, привезенных со всех уголков планеты, не было ни у кого, кроме нее. Отчасти поэтому ее никогда не видели ни ясли, ни детские сады. Исключительно домашнее воспитание с няньками и теми, кого прежде называли гувернантками. Учителя, преподаватели английского, французского и испанского языка. Особенные поварихи и повара и прочее.

И вот в семье случилось несчастье: она — школьница, влюбляется без памяти в артиста молодежного театра, который в спектакле «Фанфан-тюльпан» исполнял главную роль. Однажды она отважилась попросить у своего кумира автограф после спектакля. А он отнесся к ней как к одной из опостылевших поклонниц, которые всегда глупо отождествляют человека с изображаемым персонажем. То есть отнесся небрежно и на машину сопровождения глянул мельком и презрительно после того, как шофер окликнул девушку по имени, а она повелительным, хозяйским тоном приказала ему подождать.

Артист, в которого она влюблена, воспитан совсем по-другому. Он рос в малообеспеченной, скорее даже — бедной семье, и родители воспитали его в классовой ненависти к олигархам и чиновникам. Поэтому артист Максим с не очень сценичной фамилией Зябкин с детства ненавидел богачей с такими машинами, как у этой девушки. Он и сейчас не понимает, почему он — талантливый человек с высшим образованием — получает пятнадцать тысяч в месяц, на которые в Москве возможно только с трудом выжить, и еще помогает родителям-пенсионерам. А у этой телки (он уверен, что иначе ее и не назовешь) с рождения есть все, хотя она (и в этом он тоже уверен) из себя ничего не представляет. Он без всякой протекции всего добивался сам, приехав в Москву из Ульяновска, где жил все свое бедное детство вместе с родителями. Только недавно родители, чтобы быть ближе к сыну, обменяли свою довольно большую квартиру в Ульяновске на комнату в коммуналке, да еще и в спальном районе Москвы. Социальному неравенству Максим мог противопоставить только гордость. Вот потому-то он и посмотрел на машину поклонницы как на мусорный контейнер, что, безусловно, ее задело.

Итак, она росла в такой среде, где принято считать, что сила там, где деньги. И правда — тоже. А он — в совсем иной среде, в которой система ценностей радикально отличалась от критериев большинства жителей Рублевки. Как говорится, «два мира — два детства». У двух главных действующих лиц. А у их родителей, может, детство и было общим, но теперь — два мира совершенно определено. Родители юноши всей душой остались в Советском Союзе. Они и теперь активно участвуют в социально-политической жизни, не упускают возможности побороться за справедливость и уверены, что в этой борьбе можно победить. Поэтому — митинги, демонстрации, плакаты, сбор подписей в защиту чего-то или кого-то — это смысл и содержание их жизни. И со-

путствующая бедность на грани с нищетой, экономия во всем и даже на лекарствах, которые сильно подорожали, что, кстати, тоже является причиной митингов и гневных писем. Но зато — торжество принципов и идеалов, внушаемых с колыбели и их единственному сыну. Более того, принятых им доверчиво и безоговорочно.

У противоположной стороны все иначе, на то она и противоположна. Настолько, что временами выглядит пародией. «Гламур — это представление плебеев о прекрасном». Так выразился один остряк о вчерашних плебеех со всем их сегодняшним шальным богатством. Эти трехъярусные дачи с колоннами; эти люстры, уместные лишь в театрах; эти мраморные львы и хрустальные леопарды; эти портреты любимых кошек, написанных знаменитым художником по заказам раскрашенных теток с искусственными губами, зубами и грудями; эти килограммы золота и многокаратные драгоценные камни, и прочее и прочее. Словом, все с перебором, с богатством, которое должно бросаться в глаза.

А у юноши, естественно, — стихи, песни, литература, музыка, живопись, его роли в театре и т. д., то есть вся эта гуманитарная бесполезность, которую другой доминирующий в обществе лагерь считает свалкой или в лучшем случае — вторсырьем.

У нее же — компьютеры, айфоны, смартфоны, отдых на своей вилле-даче на Лазурном берегу или в Майами, шмотки, шопинг, дурацкие караоке, телохранители и бессмысленные ночные клубы с коктейлями, кальянами и травкой, а местами и с «коксом».

Таким образом, они соединиться и даже встретиться — никак не могли: им, людям из разных миров, просто негде было пересечься. Судьба, однако, распорядилась иначе, и девушку однажды занесла нелегкая — в театр. И там она увидела ЕГО, играющего, поющего, танцующего и фехтующего в одном из мюзиклов, наводнивших к этому времени всю страну и особенно Москву. Увидела и погибла в тот же миг. Беспamięтно и бесповоротно. И дальше все уговоры родителей, возвания к разуму старшеклассницы — что это несерьезно, что, мол, он, этот актеришка, марионетка, балаганный шут ей совсем не пара, — в результате не привели ни к чему и, скорее, оказали на нее совершенно обратное действие. Родители подсовывали ей для знакомства разных красавцев из уважаемых семей, из их круга, их, как они сами полагали, — светского общества — ничего не помогало. Пробовали даже колдунью для приворота. И все мимо!

Они часто слышали, как их любимое чадо плачет, запершись у себя в спальне, и были в отчаянии, не зная, что предпринять. Послали дочь доучиваться в Англию, чтобы она там забыла предмет своего обожания. Но она не просто не забыла, болезнь любви только набирала силу. Отец-олигарх, нефтяной, можно сказать, магнат, прилетевший в Англию навестить дочь, застал ее рыдающей над потрепанной уже и закапанной горючими девичьими слезами фотографией актеришки, которого папа уже заочно ненавидел. Такая упертость и верность своему никчемному идеалу, эта мощная влюбленность, сопровождаемая постоянными истериками, грозила привести к психическому расстройству. Об этом и задумался заботливый отец, когда они с дочерью вернулись по окончании учебы из Англии — в Россию, где в опасной близости жил и работал тот, по которому его дочь, как говорится в народе, сохла. Ну что делать?.. И тут предприимчивому и любящему папе приходит в голову дерзкая, но спасительная, как ему кажется, мысль: дать дочери то, о чем она грезит ночами, пусть она им натешится, как любимой игрушкой, и тогда любовь ее, глупая и несуразная, сама отомрет. Устанет и умрет. Вот как у практикующих ведьм в их рекламе: «Ваш любимый приползет к вам на коленях и будет просить пощады». И тогда он быстро надоеет, даже осточертеет, однако все будет ползать и ползать рядом, и избавиться от него — никаких шансов!

Вот точно так, полагал папа, который был, безусловно, богат, но в список «Форбс» не вошел, по этой схеме и надо действовать. Только не к колдунье идти (во всем этом мракобесии папа уже разочаровался), а поступить практичнее и радикальнее — то есть выкрасть паренька, попросту похитить и запереть в одном из их загородных домов. Что это уголовное преступление, папу никак не заботило и нимало не пугало: он уже давно привык к тому, что деньги здесь решают все. А денег у него было достаточно даже для того, чтобы при желании убить актеришку (или, как иногда говорили в их кругах, — «погасить»), затем вывезти труп из страны и похоронить подальше, где угодно, хоть на территории сопредельной, допустим, Молдавии или в болотах Белоруссии. Но убить, хоть и хотелось, да нельзя было: дочь потом сильно обидится, не простит, если узнает. А она узнает, он в дочери своей уверен на все сто. Она девочка пытливая и смышленная.

Значит, надо украсть парубка, лицедея недобитого, запереть так, чтобы абонент был совершенно недоступен, и пусть дочь насладится сполна этим «деликатесом». Только, конечно, никакого

насилия, постепенно, вкрадчиво, ласково приручить — вот как Печорин — Бэлу в романе классика М. Ю. Лермонтова. (Папа на уровне средней школы был вполне образован.) И этот тоже привыкнет к свежему воздуху, вкусной еде и скромному обаянию его единственной дочери, к ненавязчивой ее красоте, что в условиях строгой изоляции и дефицита женского общества несомненно пробудит естественную потребность молодого мужского организма и принесет нужной дочери результат. Ну а потом, когда она переберется, а он, уже выпотрошенный и безвольный, будет отпущен на свободу, — пусть жалуется кому хочет, пусть судится, если захочет, — только как докажет, что его украли с целью успокоить какую-то девчонку, почти школьницу. Да над ним не то что весь театр будет смеяться, а весь город! К тому же девчонка и ее влиятельный родитель могут заявить, что это он сам сгорал от любви и домогался ее так, что пришлось ему уступить и изолировать от общества, как он сам и просил, потеряв голову от всепоглощающего чувства. Короче, шансов у него — ноль, и все козыри у него, магната, и его любимой, но взбалмошной наследницы.

Вот так решение было принято, и подготовка к похищению началась. Еще необходимо было как-то уладить вопрос с родителями артиста. С театром проще — там у них начинался летний отпуск. Но родители могли поднять шум и начать разыскные мероприятия. Это надо было пресечь на корню. Папа знал только два способа. Первый — физическое устранение препятствия и второй — деньги. Тут он тоже решил пойти привычным путем — дать родителям юноши хорошие отступные, чтобы они просто помолчали несколько недель, чтобы вели себя разумно и тихо. За пару миллионов.

ГЛАВА 2. ПОХИЩЕНИЕ

Итак, сценарий в голове всемогущего папы сложился, а осуществить первый акт этого любовного детектива, то есть похищение артиста, не составляло никакого труда. Все было намного проще и скучнее, чем показывают в кинобоевиках. Ну поехал парень после традиционного перед отпуском сбора труппы домой, в свой невеселый спальный район. Ну брел не спеша по довольно пустой улице в непозднее еще время, бормотал про себя, а иногда и вслух сцены из своей новой, только что полученной роли; ну тормознул возле него этот черный сарай — джип «Лендровер»; ну вышли из него степенно двое ничем не примечательных

мужчин, никаких даже не качков; ну попытался он сопротивляться, в своей обманчивой уверенности, что лихо умеет драться... Но ведь так называемая сценическая драка только зрелищно эффектна, но никак не эффективна, поэтому его двумя простыми движениями успокоили, затолкали в джип, усыпили каким-то уколом, и очнулся он только через несколько часов в красивом загородном доме, красоту которого и пейзаж вокруг оценить никак не мог, так как оказался в небольшой комнате с мягкой мебелью, кондиционером и без окон. Так началось его двухнедельное заточение, причину которого он выяснил уже на следующий день.

Он действительно не понимал, за что и почему с ним обошлись таким образом, и девочку, зашедшую в его «камеру» на следующий день, он не узнал. Да и с какой стати он должен был ее узнать, если она когда-то попросила у него автограф, а он глянул на нее как на предмет далеко не первой необходимости. Хотя, соответственно спектаклю «Фанфан-тюльпан», она и пришла тогда с красивым букетом отборных тюльпанов. Таких поклонниц после спектакля у него было уже полно — десятки, если не сотни. Она попыталась ему напомнить о себе и о том эпизоде. Он, не вспомнив, но сделав вид, что вспомнил, пре-

зрительно процедил в ее сторону: «Отомстила, значит».

— Нет, нет, — заторопилась влюбленная девочка с большими возможностями. — Я не мстить, я познакомиться...

— Вот таким бредовым путем? — осведомился герой.

— Да не я это! Это папа так решил, — заплакала она.

— Значит, твой папа — просто урод, — попыток Максим их первый диалог.

— Он не такой, нет! Он просто очень меня любит, готов на все, чтобы облегчить мои страдания, — перешла она вдруг на высокий стиль старинных женских любовных романов, и голос ее возвысился и патетически зазвенел под сводами тюремной пещеры несчастного узника, жертвы собственного искрометного таланта и нездешней своей красоты.

Далее место заточения, как полагается, огласилось ее глухими, довольно театральными и все же — искренними рыданиями, которые должны были пробудить в узнике если не сострадание, то хотя бы любопытство. Любопытство было проявлено. Он решил поинтересоваться, что за горе такое овладело юной девушкой, дочерью, судя по

всему, весьма богатого и могущественного папы, который решился даже на такую уголовщину, как похищение человека.

— Вернемся к страданиям, — сказал он, приблизившись к вздрагивающему от рыданий корпусу девушки. — Что случилось, в чем причина?

— В тебе! В тебе! — внезапно взвизвала девушка и бросилась на шею неосторожно подошедшему кумиру своих специфических грез и идеалу — в ее представлении — мужской привлекательности.

С трудом оторвав от себя возбужденное тело этой (как он уже решил про себя) фанатки и психопатки, он терпеливо ждал, пока она успокоится. Потом она рассказала, по-детски всхлипывая, что вот уже три года ходит по нему с ума и ничего не может с собой поделывать. Пробовала, мол, его забыть разными способами и с помощью папы, но ничего не вышло: горе ее росло и стало всепоглощающим. И тогда отец решил...

— Дальше ты знаешь...

— И что теперь-то? — резонно поинтересовался Максим. — Так мне и сидеть тут, пока я тебе... — Тут он помолчал, но все-таки сказал: — ...пока я тебе не отдамся? — Он хмыкнул и посмотрел на нее, надеясь, что она сейчас правильно оценит весь этот театр абсурда, в который он неожиданно угодил.

— Не нужно, нет, ты что! — заверещала она. — Никто тебя тут насиловать не собирается!

Тут Максим опять ухмыльнулся от навязанной ему роли, которую обычно исполняют девушки, попавшие в лапы сексуального маньяка.

— Вот спасибо, — с глубоким сарказмом в голосе, который прямо-таки убивал всех его фанатов, промолвил он. — Значит, насиловать не будешь?..

— Не буду, — серьезно ответила она. Смуглясь и опустила голову.

— А что будешь?

— Ходить к тебе... понемногу. Один раз в день. А если позволишь — два. Просто приходите, сидеть и смотреть на тебя. Больше мне, правда, ничего не надо.

— Ну хорошо. А потом что? Когда меня выпустят? Когда... ты меня выпустишь?

— Две недели, не больше, — утешила она, — потом тебя отвезут с завязанными глазами в центр города и отпустят.

— Да ты что? Правда? А как же все мои знакомые, родители, наконец? Они же волноваться начнут. Уже сегодня. Кто и как их-то успокоит?

— Не беспокойся, мой хороший, — с максимально возможной для себя нежностью произ-

несла она. — Все уже продумано. Вот как раз сейчас папа едет к твоим все улаживать.

— А театр? Что с театром? Дикость какая-то, ей-богу!

— Перестань, зайка, — с ласковой и фамильярной укоризной произнесла соискательница его внимания, и Максима передернуло от этого обращения, которое, как он напрасно надеялся, никогда его не коснется, так же как и сокращенное «зая». Она заметила гримасу отвращения на его лице и, правильно ее оценив, сказала: — Все, больше не буду. «Зайку» не услышишь никогда. Но все равно, перестань, не говори про театр, не выдумывай ничего, я знаю, что у тебя там отпуск, а съемки твоей следующей картины начнутся только через месяц.

И тут она, повзрослев разом года на три, коротливо улыбнулась Максиму и вышла. Ключ дважды повернулся в замке.

ГЛАВА 3. ВИЗИТ НЕДООЛИГАРХА К НЕИМУЩИМ СЛОЯМ НАСЕЛЕНИЯ

А тем временем папа разговаривал с родителями похищенного сына.

Естественно, что Платон Сергеевич — отец и Агриппина Васильевна — мать уже начинали сильно нервничать по поводу отсутствия сына и даже звонка от него. Еще немного — и последовало бы обращение в милицию (в описываемое время именно так, а не «полиция») и соответствующее заявление.

Но... Следующим утром после суточной паники на пороге их скромной квартиры возник шикарный господин в блестящем костюме, с букетом длинностебельных роз в одной руке, бутылкой итальянского игристого шампанского — в другой и самой лучезарной улыбкой на нежно-загорелом лице, улыбкой, лучезарнее которой родители похищенного парня не видели даже в телевизоре. Реклама отбеливающей зубной пасты «Лаколут» была жалким подобием улыбки олигарха класса «б». Улыбка стоимостью в автомобиль представительского класса могла пленить кого угодно, но не родителей пропавшего Максима. И она постепенно сползла с лица ее озадаченного хозяина. Погасла. И первый контакт таким образом оказался провален. Платон Сергеевич и его жена держались настороже и совсем негостеприимно. Понятное дело, им сейчас было не до гостей. Беспокойство за пропавшего сына сейчас было главным в их настроении и поведении. Только эта тема

могла бы их сейчас заинтересовать. Она вскоре и возникла как главная причина визита.

— Я пришел по поводу Максима, сына вашего, — почти застенчиво и виновато промолвил магнат. — Могу войти?

Вмиг оживившихся родителей пронзило острое чувство вины за собственную невежливость и осознание того, что держат нежданного, но все-таки гостя на пороге.

— Да-да, конечно, — заторопились они, — проходите, пожалуйста.

— Могу присесть? — продолжал магнат настаивать на соблюдении протокола. И опять встретил извинительное.

— Да-да, конечно! Может, чаю или кофе? Только у нас растворимый, другого нет.

Гость отказался. Кофе он попьет в другом месте, более приличном, соответствующем его статусу VIP-персоны. В глазах родителей артиста он видел плохо скрываемое нетерпение.

— Что с сыном? Где он? Что вы знаете? С чем пришли?

— Давайте познакомимся. — Мини-олигарх вновь включил в общение козырь — свою лучезарную улыбку, свет своего неотразимого обаяния. Он собирался представиться, назваться, первым произнести свое имя-отчество — Спартак Миронович, но не успел: родители артиста быстро протянули вперед свои сухонькие лапки и поспешно назвались: Платон Сергеевич, Агрипина Васильевна, и ей бизнесмен, с трудом подавля буржуазную брезгливость, даже поцеловал лапку с огрубевшей от домашних трудов кожей. При всем этом коротком ритуале Спартак Миронович, обладая феноменальной реакцией и интуицией, которые помогали ему одерживать в бизнесе сокрушительные победы, по ходу перестроился и решил назваться каким-нибудь типично славянским именем — ведь если родителей парня зовут Платон и Агрипина, значит, это персонажи старой закалки и, тем не менее, модного нынче славянофильства, и надо с ними искать общие национальные черты, общую почву малого Нечерноземья. И, поглаживая несуществующую окладистую бороду и стараясь употреблять слова и выражения, которые он смог припомнить, но смысл которых не совсем понимал, Спартак произнес:

— Исполать вам, добрые люди! — И отвесил поясной поклон.

Но по тому, с каким легким недоумением переглянулись братья-славяне, понял, что чуток перебрал и вернулся к современной речи, не забывая все-таки иногда сохранять лингвистический

колорит русских деревень и опуская при этом матерные слова.

— Зовут меня Савелий Игнатьевич, — протяжно сказал он и, привстав со стула, опять изобразил поясной поклон.

Те тоже привстали, но от поклонов воздержались и только наклонили свои седые головенки. Они все же с нетерпением ожидали, когда гость перейдет к делу.

А Спартак уже увлекся игрой с меняющейся стилистикой поведения. Он ведь легко адаптировался к любой среде: был депутатом среди депутатов, меценатом среди артистов, спонсором среди спортсменов, а тут — новая роль — законенный почвенник среди людей, не устававших негодовать: «Во что превратили страну? Как ее разворовали? И куда мы катимся?» Такая игра давалась Спартаку без труда; он всецело разделял доминирующие настроения в государстве и согласен был с тем, что пора наконец распрямить плечи, вернуть оплеванные и растоптанные идеалы, вспомнить славянские корни, возродить былую мощь и патриотическую удаль русских богатырей. Поэтому он, например, с удовольствием спонсировал инсценировки древнерусских побоищ на свежем воздухе в Подмоскowie и сам принимал в них участие, нарядившись в шлем, кольчугу и взяв в руки меч-кладенец. Наверное, справедливо и правильно, для общей гармонии и равновесия в природе, имея виллы в разных концах света — на популярных морских пляжах, а также три яхты и личный самолет, — время от времени бить себя в грудь, обдирая пальцы о специально и по размеру сделанную кольчугу, и кричать рожденный в недрах русской финансовой элиты лозунг: «Не дадим в обиду Русь-матушку!» или «Постоим за землю русскую!». Еще бы не постоять за собственные сто пятьдесят гектаров в Псковской губернии! Спартак и дочь свою назвал не как-нибудь, а Авдотьей, а по-простому, по-нашему, по-русски, — Дуней. И ее, Дунина, показная, западно-гламурная жизнь совершенно не входила в противоречие ни с именем, ни с хороводами, в которых папа заставлял ее принимать участие.

Дуня, с заспанным, опухшим от вчерашней пьянки и тусовки в ночном клубе «Сохо» лицом, классно смотрелась в сарафане, лаптях и кокошнике, когда подносила хлеб-соль какому-нибудь депутату, папиному дружбану, а затем вовлекала того в ненавистный хоровод с визгливым песнопением псевдонародной группы. Сарафан был велик, лапти скользили по траве, кокошник сбивался набок. Но что делать! Папа утром поднимал чуть

ли не пинками и гнал на очередное свое народное гулянье. Но после нагрянувшей на Дуню беды — любви вся ее жизнь поломалась, переменялась. Да и папино влияние ослабло, а потом и вовсе почти исчезло. И папа это со своей хваленой интуицией почувствовал и тактику поменял. Теперь многое стало только для дочери.

И вот Спартак Миронович Дервоед сидел теперь на шатком стуле перед встревоженными родителями Максима и думал, как приступить к цели визита, чтобы не обидеть и не травмировать.

ГЛАВА 4. МОСКОВСКИЙ ПЛЕННИК

Ну а теперь пора вновь вернуться в место заточения Максима, в его вполне комфортабельную тюрьму. В ней было все, что необходимо интеллигентному человеку. Максиму даже принесли все книги по списку, который он предоставил охранникам. Папа распорядился заранее, чтобы пленник не нуждался ни в чем. Он не имел только двух вещей — свободы и компьютера, так как тюремщики справедливо полагали, что при наличии ноутбука он сможет сообщить на волю о себе и обстоятельствах похищения. А так — все, буквально все. Особенно следует коснуться его ежедневного меню, еды, которую и едой-то назвать язык не поворачивается: назвать это можно было только яствами. Или, чуть попроще, — деликатесами. Такие яства подавались, вероятно, только к царскому столу или входили в банкетное меню членов Политбюро в Советском Союзе. Максим с упертой принципиальностью узника совести ежедневно отвергал черную икру и прочее, то, что он считал проявлением буржуазного снобизма, или, по-другому, — омерзительным русским барством. Последние несколько дней Максим с большой долей черной самоиронии называл себя наложницей. Мысленно, разумеется, ибо произносить это вслух при Дуне — единственном человеке, который его посещал в заточении, — было совершенно бесполезно. Судя по всему, Дуне было незнакомо даже само слово «наложница» и его значение. А если ей объяснить, она юмора все равно не поймет. Поэтому пленник смеялся про себя. Но однажды он все-таки не удержался и объяснил. Литературные ассоциации постоянно клубились в голове образованного юноши. Так, Дуню он постоянно называл небедной Лизой, чем приводил ее в состояние розовощекого смущения. Она не понимала, почему он ее так постоянно называет, добавляя в голос немалую долю ехид-

ства и криво усмехаясь. Обижает он ее или что? Всякий раз она, краснея, поправляет любимого, говоря, что ее зовут иначе — Дуней, но он с маниакальным упорством всякий раз при ее появлении произносил: «А-а, небедная Лиза явилась. Ну, что нового на воле?» — «Кто такая бедная Лиза?» — допытывалась она, и когда ему надоело, пришлось объяснить, что бедная Лиза — героиня одноименного романа Карамзина, но тут же заодно понадобилось поведать плохо образованной девице большую для нее тайну, а именно кто такой Карамзин. После чего Дуня захотела прочесть произведение Карамзина, и ей это удалось. Вот так библиотека внеклассного чтения для Дуни начала формироваться, а потом и расширяться. От бульварных, любовных романов и дачной жвачки женских детективов, а также гламурных журналов, повествующих о том, кто с кем живет, что носить и что есть, чтобы похудеть, — до (сразу!) Карамзина! Представляете, какой невообразимый скачок, без постепенно перехода. Непосильно, согласитесь, для слабо развитого ума. Поэтому «Бедная Лиза» далась с трудом, и только благодаря любви, безответной, но подогреваемой тем не менее призрачной надеждой на перемену его отношения. Максим, непонятно почему, вероятнее всего от скуки, решил хоть чем-нибудь восполнить пропасть между Карамзиным и описанием гардероба какой-нибудь поп-звезды. А кроме того, тема наложницы для хоть какого-то веселья в заточении будет продолжена. Поэтому Максим предложил Дуне достать и принести ему «Героя нашего времени» писателя и поэта М. Лермонтова. К счастью, эту фамилию Дуня где-то слышала, и просвещать ее не пришлось. Книга была доставлена, и Максим решил прочесть ей часть под названием «Бэла». Дуня была счастлива: любимый артист начал с ней общаться — а от скуки или от чего-то еще — неважно и, более того, САМ вызвался ей читать книгу. Вслух! Любимый! Да еще артист! Да еще, наверное, с выражением будет читать! Она, раскрыв рот, внимала художественному чтению Максима, не очень вникая в смысл. Сам процесс был куда важнее — как он перелистывает страницы своими красивыми руками, как завораживающе звучит его красивый голос, как изредка он отрывает глаза от книги и взглядывает на нее своими ярко-синими глазами из-под длинных и наверняка пушистых ресниц! О! Как она хотела их целовать! Ах, как она любила эти сеансы чтения! При этом ничего не понимая, про что там было написано, и каким образом это переносится в сегодняшний день, и почему касается непосредственно их самих и создавшейся ситуации. Мак-

сим наконец все увидел и решил от своего гипноза вернуться к смыслу. И тогда объяснил балдеющей от его чтения Дуне, что он тут сам в роли Бэлы, а она — в роли Печорина. Ситуация в романе, мол, ничего ей не напоминает? Когда она вникла наконец в суть этой аналогии, ею овладел такой приступ смеха, что она заразила им и исполнителя роли Бэлы. Оба смеялись несколько минут, и в тот день между ними впервые протянулась тонкая, очень тонкая паутинка взаимопонимания. Потом Дуня захотела все же повнимательнее ознакомиться с романом М. Ю. Лермонтова и прочла историю про Бэлу до конца. А там, между прочим, было написано о том, что непокорная черкешенка сначала смирилась, а вслед за тем и влюбилась безоглядно в пленившего ее Печорина. А это обнадеживало и внушало некое подобие оптимизма: может, и ее ненаглядная «Бэла», то есть Максим, сначала привыкнет, а потом и полюбит... Однако пленник, зная продолжение истории, не пожелал дальше читать, чтобы Дуня особо не обольщалась. Сеансы чтения временно прекратились, но он же не знал, что пытливая девушка ознакомилась с финалом истории про Бэлу самостоятельно, и никак не догадывался, отчего это у его тюремщицы глаза начинают светиться таким неестественным блеском, как только она входит в его одиночную камеру. А Дуня умоляла его почитать что-нибудь еще. Ну не хочет «Героя нашего времени» — пусть почитает что хочет, по своему вкусу. «Еще чего!» — грубо возразил Максим, но потом подумал, что тут есть по крайней мере два аргумента «за»: первый — борьба с невежеством хотя бы одной отдельно взятой избалованной богачки, то есть просветительская, если угодно, функция, и второй — хоть какая-то практика в своей профессиональной актерской деятельности, поддержание рабочей формы. Вот так в «камере-одиночке» Максима, а следовательно, и в домашней библиотеке Дуни появились Ремарк, Хемингуэй, а затем Бунин, и Тынянов, и Набоков, и Паустовский, и Довлатов, и многие другие. Однако прочесть ей вслух удалось только любимый роман его юности «Фиеста» Хемингуэя. Только его, потому что вскоре произошло освобождение. А произошло это избавление из плена довольно-таки неожиданно и по очень оригинальной причине.

ГЛАВА 5. ИМПРОВИЗАЦИИ СПАРТАКА

Теперь, я полагаю, вас гложет любопытство — каким образом папа нашей героини

вышел из положения, как он приступил после прелюдии знакомства с родителями пленника к главному, к цели визита. Мы же оставили его как раз в тот момент, когда он обдумывал стратегию своего дальнейшего поведения. Времени на обдумывание у него практически не было, тем более что Платон Сергеевич и Агриппина Васильевна смотрели ему в глаза с нарастающим, тревожным ожиданием. Спартак Миронович (которого нам и проще, и правильнее называть просто Спартаком, в силу его героической наглости и бесшабашного, атакующего поведения в бизнесе, всегда почему-то приносившего ему удачу) в это время подумал, что надо действовать и сейчас так, как всегда — яростный штурм, шок у противника и безоговорочная победа. Вызвать шок, по мнению отважного предпринимателя, должна была внушительная пачка долларов в банковской упаковке, которую он выхватил из кармана так, как ковбой из американских вестернов выхватывают кольт. И то и другое в данном случае объединяло одно — они были оружием, способным побудить оппонента к капитуляции. Итак, пачка долларов была выхвачена и брошена на разделяющий их стол с глухим, но убедительным стуком. То есть ее вес был — что надо! Лежащая посреди стола пачка вызвала у стариков ожидаемый шок, но только своеобразный: они отшатнулись от стола, в немом ужасе глядя на доллары как на гремучую змею, которую взбесившийся серпентолог зачем-то принес им, выхватил из кармана — и швырнул на стол. И сейчас, мол, ядовитая тварь их укусит и умертвит. Спартак такой реакции, конечно, не ожидал. Нет, он, конечно, ждал всяких там «ах!» и «что это?», однако — радостных «ах», восторженного изумления жаждал он, а тут — к такой всемирно уважаемой валюте отношение, как к змее или другой какой-нибудь ползучей твари. Спартак почувствовал даже некоторую обиду за доллары и желание хоть как-то вступить за них. Он начал с не совсем уместной в сложившихся обстоятельствах барственной интонации: «Это вам».

— Зачем нам, нам не надо, что это вы? — отталкивая воздух перед собой, залепетали бедные члены КГРФ.

Благоприятной завязки разговора опять не получилось. Так же, как не удалась и прелюдия знакомства. Все пошло не так, и надо было на ходу перестраиваться. Однако Спартак был не только наглым и удачливым, он был еще и невероятно хитрым и изворотливым. Ему была свойственна мгновенная реакция на обстановку, реплики и даже мимику любых собеседников, то, что отличает, кстати, самых удачливых и остроумных теле-

ведущих. Заметив и оценив реакцию пенсионеров на пачку свободно конвертируемой валюты, реакцию, прямо скажем, неуважительную, Спартак (он же на данный момент Савелий Игнатьевич) быстро сориентировался и, стараясь не потерять исконно-русского стиля, попытался соединить его с новыми на святой Руси товарно-денежными отношениями.

— Не пугайтесь, товарищи, — правильно начал Спартак, — деньги эти — всего лишь материальная помощь от государства... Родины нашей многострадальной, — добавил он, едва не прослезившись, но в последний момент решил все же слезу придержать, посчитав, что это будет выглядеть несколько театрально. — Сам я тружусь на, так сказать, строительной ниве, — ну, в смысле, строю дома городские и подальше, в Подмосковье. И вот государство обязало недавно нас, бизнесменов, фу ты, пропасть! Опять это проклятое слово! Не люблю все эти словеса из Америки, но, уж извините, товарищи, замены у нас этому слову нет пока, иногда лишь обидно обзывают нуворишами. Так что нас, деловых людей, всех, президент и правительство попросили помогать бедно живущим, нуждающимся людям. «Деловые люди» — товарищи, тоже, конечно, коряво. И не по понятиям, — сбился вдруг Спартак на специфические обороты своего же, почти забытого прошлого. — Президент попросил — это значит обязал, и никак иначе! И вот мы с пацанами, то бишь коллегами с этого района, раскидали, кому в какую неделю и сколько приносить. Это легко. Через собес, паспортный стол и прочее. И мне выпало идти к вам, — широко улыбнулся Спартак. — Так что не пугайтесь. Безвозмездная матпомощь — и все. Вспомоществование, — припомнил он еще одно слово, относящееся к старославянскому, как он полагал, гуманизму.

— Так, подождите, — после некоторого молчания и переглядок с супругой растерянно произнес Платон Сергеевич, — но, Савелий Игнатьевич, вы же вроде по поводу сына пришли, как вначале сказали. При чем тут ваша материальная помощь? Где наш сын? Что с ним? Вы что-нибудь знаете?!

— Не тревожьтесь, товарищи, — с максимальным возможным для себя добродушием промолвил Спартак — Савелий Игнатьевич. — Материальная помощь от моей фирмы случайно пришлась на вас и вашу квартиру. Ну, совпало так, срослось, понимаете... А вот то, что вы родители Максима, вот это уже совсем не случайно. И когда я узнал, кому несую деньги, что родителям Максима несую, то сильно обрадовался... — продолжал он вдох-

новенно врать. И тут же добавил: — Шибко рад был. — Спартак временно забывал, что он — Савелий и сбивался на светскую манеру общения, но потом вспоминал, спохватывался и возвращался в народное, посконное, так сказать, лексическое русло. — Так что примите, сограждане мои дорогие, скромное мое подношение вам. Уж не побрезгуйте, товарищи. А касательно Максима я вам немедля расскажу, почему я с ним знаком и где он сейчас. Тревожиться не надо. Он у меня живет теперь. На даче моей. А вот как он попал туда, сейчас расскажу.

Спартак помолчал, обдумывая более или менее правдоподобную версию исчезновения Максима, и вроде бы нашел самый верный путь, путь полуправды. Насильственное похищение — то есть уголовная сторона вопроса — исключалось вовсе, дабы не напугать до смерти «божьих одуванчиков», родителей, и без того сидевших в напряженных позах со сцепленными судорожно руками и с предчувствием ужаса в глазах. Они ждали от сидящего напротив улыбчивого магната какой-нибудь новости, типа автомобильной аварии, в которую угодил их сын, но, мол, выжил, и теперь в больнице, но главное — жив, вот только позвонить не может. Они ждали в любом случае чего-то скверного, но только, не дай бог, не смертельного. Старички эти все годы и не ждали от судьбы ничего другого, только исключительно чего-то гадкого. Они привыкли, менялась в их жизни только степень или объем вот этого гадкого, а так ничего — терпели и еще потерпим.

Насчет больницы Спартак тоже успел прикинуть за несколько секунд, но сразу отмел этот ни к чему не пригодный вариант. Ведь тут же возникает сопутствующее никчемной версии недоумение: а он-то откуда знает? Он что, санитар из этой больницы, врач, спонсор, на худой конец? Спартак всегда придерживался одного незыблемого правила: не врать, когда можно не врать, когда сказать правду даже выгоднее. Но когда всю правду сказать нельзя (как в данном случае), то можно полуправду. Похищение Максима, содержание его взаперти — все это несущественные, как полагал магнат, детали. А вот причина похищения, кому и зачем их сын оказался нужен, — это чистая правда, тут ничего и выдумывать не надо. И Спартак, нарисовав перед родителями Максима беглый портрет своей несчастной влюбленной дочери и надеясь при этом на родительское понимание и солидарность, рассказал, как бедная девочка чахла и сохла от любви к их сыну и таяла буквально на глазах, а родительское сердце прямо разрывалось от этого; и чего только не предпринималось

для спасения дочери — мол, и в Лондон этой клятый спасения отправляли, и красавцев-парней с Рублевки подсовывали, и пытались опорочить и принизить предмет ее девичьих грез. Соблазнить его очень большими деньгами за корпоративный концерт, на котором ему заказывали прочесть стихи Мандельштама, но... голым... ну, не совсем голым, в плавках, конечно, но все-таки... И поверьте, очень большие деньги!.. Можно было бы ему с вами, родителями, целый год безбедно жить, ничего не делая. Заодно, понимаете, хотелось посмотреть, за какую сумму молодой человек в наше время может поступиться принципами, забыть о так называемой чести... Тут магнат криво усмехнулся и посмотрел на старичков в расчете на понимание, но понимания на их застывших лицах он не обнаружил и продолжал гнать свою историю как ни в чем не бывало.

— Мы с матерью думали, что, ежели он согласится, у дочери глазки-то откроются, и любовь ее накроется... медным тазом, как это часто бывает. Ан нет! Не вышло! А когда анадьсь встретился я с ним, с Максимом-то вашим, и сделал ему это предложение, и сумму назвал, и даже аванс вынул из кармана, он, сынок ваш принципиальный, посмотрел на меня как на козьявку вонючую, на меня, владельца трех предприятий, одной авиакомпании и двух газет. Обидно, знаете, но принципы я все ж таки уважаю, и людей, которые без колебаний отказываются от таких денег, — тоже уважаю.

Спартак говорил, не останавливаясь, его несло на всех парусах по полноводной реке вдохновенной импровизации, когда, искусственно и профессионально возбуждаясь, он доводил почти до экстаза и себя, и своих избирателей, когда толкал перед ними речи во время предыдущей кампании. И, уже не замечая ни омутов, ни мелководья, не контролируя речь, теряя взятый на себя образ народовольца и почвенника и смешивая таким образом «девичьи грезы» с «анадысь», — он гнал и гнал свою ладью все быстрее к мелодраматическому финалу, сентиментальному берегу сострадания и надежды на, все-таки, — взаимопонимание.

— И тогда я решил сыну вашему, Максимке принципиальному, все честно рассказать о дочери. Она, ить, пригожая у меня, даже ненаглядная, — всхлипнул Спартак и, желая смахнуть несуществующую слезу, полез в карман за белым платком с золотым вензелем, со своими инициалами, но по пути его рука вспомнила, что он из народа; и глубина национального подсознания подсказала иной способ утереть слезу, поэто-

му вернулась к лицу и тыльной стороной ладони протерла оба глаза. — Дочурка наша, красавица, — продолжил он тоскливо, — извелась ведь вся, исстрадалася, иссохла, короче — закружилась. Красота-то какая пропадает всеу, испаряется. И вот я Максимке-то и поведал все про дочурку. А он спрашивает: «А от меня-то вы чего хотите?»

Тут впервые за время монолога подал голос Платон Сергеевич:

— Да-да, чего вы, правда, от него хотели и что дальше?

— Где он, где, скажите, — вступила в разговор и Агриппина Васильевна.

— Подождите, сейчас дойдем и до этого. Сейчас все узнаете, — успокоил Спартак. — Ну так вот, рассказал я Максимке, как страдает дочь наша, и говорю: «Пожалел бы ты ее, парень». — «Как?» — спрашивает. «Да ничего особо от тебя и не надо, — отвечаю. — Поговори с ней хоть разок, объясни, что молодые девчонки часто любят не человека, а персонаж. Это как скарлатина, быстро проходит. Объясни, поговори, тебя-то она точно послушает, призадумается». Я его так слезно просил, что вижу — он колеблется. Хороший, жалостливый у вас паренек. Редкость в наши дни.

— Ну, дальше, дальше-то что? — поторопил рассказчика Платон Сергеевич.

— Ну, я и стал его дожимать. Поехали, говорю, со мной к нам на дачу — тут Максим так отрицательно головой помотал, но я все долблю в правильном направлении: «Она, дочка моя, там сейчас, плачет, как всегда, сил на это смотреть никаких нет, плачет каждый день, закрывается в комнате своей, фотографию твою, Максим, перед собой поставит и плачет».

Тут Спартак чуть было взаправду не проследил, тем более что это было совсем недалеко от реальности.

— Поехали, а?.. Ну поехали, пожалуйста. Короче, умолил я его, эта штука с фотопортретом и слезами его добила.

— А это правда? — опять вступили родители.

— Да еще какая! — убедительно сказал магнат. — И сейчас Максим у меня на даче, — он помолчал, — и она, дочка, больше не плачет... Пока он там, во всяком случае, — добавил Спартак, опустив голову.

Эта исповедь его опустошила и повергла в естественное уныние, так как он и вправду не видел выхода из создавшегося положения. Держать Максима в настоящем плену у себя на даче он больше не мог, ведь это, как ни крути, настоящая

уголовщина, статья, и он, как олигарх и депутат, сильно рискует. И что-то надо будет делать. Из всех способов Спартак возлагал надежды лишь на один — откупиться и при этом еще уговорить Максима и родителей не подавать в суд. И вот именно сейчас идет первый этап распутывания этого идиотского узла, ситуации, в которую он ну никак не предполагал попасть.

— Ох ты, доля ты моя, долюшка, — тяжело вздохнул Спартак в образе Савелия Игнатьевича и вдруг услышал:

— Да прекратите вы наконец эти ваши фальшивые славянизмы! Что вы тут такую псевдонародную клоунаду затеяли!

Он с изумлением посмотрел в сторону источника звука и с не меньшим изумлением увидел не хилых каких-то там старичков, не жертв пенсионных реформ, не инвалидов перестройки, а напротив — суровые, жесткие лица неутомимых борцов, закаленных в безуспешных боях с социальной несправедливостью.

— Что вы нам тут пургу гоните! — Платон Сергеевич вдруг перешел с оппонентом на энергичный сленг современной молодежи. Вероятно, для того, чтобы его вопросы звучали твердо и требовали незамедлительного ответа. — Вы сказали — где сын, вы сказали — почему, но мы с женой ни слова пока не слышали о том, по какой это причине его нет уже несколько дней и он ни разу не позвонил и не дал о себе знать.

— Наш сын, — поддержала выступление мужа Агриппина Васильевна, — ни за что не заставил бы меня волноваться и вызывать скорую. А вы тут плетете нам про любовь вашей доченьки.

— Вы, конечно, удерживаете Максима силой, — продолжил Платон Сергеевич, — что мы, не понимаем?..

— Да и позвонить ему тоже не даете, — вторила Агриппина Васильевна. Он бы сам никогда... — Она заплакала и вышла из комнаты.

— Мы немедленно напишем новое заявление в милицию, — послышалось из кухни. — Платон, выгони его из нашего дома, прошу тебя!

— Успокойтесь, — Спартак встал, — он в полном порядке и превосходно себя чувствует. И сегодня же вам позвонит, я обещаю. На днях вернется домой. И никакого заявления не надо. Вы очень помогли моей дочери. Вы и ваш сын. Он, можно даже сказать, мою Авдотью почти спас. Думаю, даже от суицида...

— От суици-и-ида! Авдотью! — передразнил возмущенный Платон Сергеевич. — Несовместимые слова. Я же просил, перестаньте ерничать!

— Дуня — моя дочь, — обиделся Спартак, — ее действительно так зовут.

— Я в последний раз спрашиваю — когда Максим вернется домой? — гневно допытывался Платон Сергеевич. — Что? Он у вас там будет в заложниках, пока ваша дочь, видите ли, не перестанет плакать?

«Ну, в принципе так оно и есть», — подумал Спартак, а вслух сказал:

— Слушайте! Давайте попробуем договориться. — Он взял в руки пачку долларов, так с самого начала их разговора и лежащую на столе. — Я буду платить вот столько же за каждый день пребывания Максима в моем доме. За каждый! Столько же! А это много, заметьте! Будет обеспеченная старость.

Агриппина Васильевна вновь вошла в комнату и, стоя гордо и прямо перед ненавистным представителем отечественного капитала, сказала:

— Подавитесь вы вашими деньгами! Думаете, вам все можно! Что купить можете всех и все?! Так вот, не всех и не все! И пошли вы вон из моего дома с вашими грязными деньгами и вашими грязными предложениями!

Низенькая старушка гордо стояла перед довольно высоким мужчиной и смотрела на него свысока! И Спартак почему-то это почувствовал и даже слегка пригнулся. Стол разделял противоборствующие стороны, но то был не стол, а идеологическая пропасть, преодолеть которую не может никто и никогда. Но тут подошедший к столу Платон Сергеевич вдруг неожиданно сказал жене:

— Груня, стой! Подожди, — он взял в руки пачку денег, — мы подумаем...

Агриппина Васильевна округлившимися глазами уставилась на мужа и произнесла только невнятный звук: «К-ка-ак?!»

Платон Сергеевич резко взглянул на нее в упор и членораздельно произнес: «По-ду-ма-ем! Понятно?!», вкладывая в эти два слова и интонацию что-то такое, чего пока его жена, а тем более этот нувориш не понимали. Однако жена должна была догадаться, что, видимо, Платон Сергеевич что-то задумал и лучше ему не возражать. Небрежно крутя в руке пачку свободно конвертируемой валюты, Платон Сергеевич язвительно произнес:

— Гуманитарная помощь, говорите. Ну... Так вот, гуманитарную помощь мы возьмем, — сказал он, особо выделив слово «гуманитарную», — а об остальном подумаем. Подумаем, — вновь повторил он, обернувшись к своей бескомпромиссной супруге. — Мы вам по-

звоним, — сказал он магнату почти высокомерно. — Оставьте телефон или там визитку вашу, что у вас есть? А шампанское заберите.

Визитка у Спартака, разумеется, была. Она была оставлена на столе рядом с деньгами.

— До свиданья, — сказал Спартак родителям похищенного, улыбнувшись напоследок одной из своих самых располагающих улыбок. Он, как

бы забыв забрать шампанское, вышел с твердым убеждением, что победил и проблему решил, а сядясь в свой «порше», подумал: «Ай да я! Ай да молодец! Как я старичков-то уделал!»

Он и не подозревал, что все было не совсем так... или, точнее, совсем-совсем не так.

Продолжение следует.